

ОЛЕГ ЯКУБОВ

КАБАК

БИБЛИОТЕКА
СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

16+

Якубов Александрович

Кабак

«Автор»

2016

Александрович Я. О.

Кабак / Я. О. Александрович — «Автор», 2016

Новая книга известного писателя Олега Якубова написана в жанре увлекательной повести. Захватывающий сюжет рассказывает о жизни ресторана. Не той праздничной, нарядной и шумной, которую видят посетители. А о той внутренней, что скрыта от внешних взоров. Сам ресторан автор умело использует не только как средство повествования о людях, их характерах и манерах, но и для увлекательного рассказа о жизни страны, в которой мы с вами живем. Олег Якубов - писатель, журналист - международник, автор более двадцати пяти книг, тираж которых превысил миллион экземпляров, многих киносценариев. Является членом союза русскоязычных писателей Европы, удостоен п

© Александрович Я. О., 2016

© Автор, 2016

Якубов Александрович Кабак

ОЛЕГ ЯКУБОВ

Новая книга известного писателя Олега Якубова написана в жанре увлекательной повести. Захватывающий сюжет рассказывает о жизни ресторана. Не той праздничной, нарядной и шумной, которую видят посетители. А о той внутренней, что скрыта от внешних взоров. Сам ресторан автор умело использует не только как средство повествования о людях, их характерах и манерах, но и для увлекательного рассказа о жизни страны, в которой мы с вами живем.

Олег Якубов — писатель, журналист-международник, автор более двадцати пяти книг, тираж которых превысил миллион экземпляров, многих киносценариев. Является членом Союза русскоязычных писателей Европы, удостоен престижных литературных и журналистских премий, государственных и общественных наград.

ПАРАД
PUBLISHING HOUSE

ОЛЕГ ЯКУБОВ

КАБАК

ПАРАД
PUBLISHING HOUSE

КАБАК

ПРОЛОГА НЕ БУДЕТ

Великий Уильям Шекспир изрек, как высек на века: «Весь мир – театр, а люди в нем – актеры». Не посягая на сию аксиому, нахально позволю себе перефраз, применительно к нашей действительности: «Весь мир – кабак, а люди – в нем».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Будильник зазвонил ровно в девять, как и каждое утро. Вот уже несколько лет я вообще не переставляю стрелку звонка, просто нет причины. В отличие от большинства активных представителей человечества, никогда не проклинаю этот трезвонящий по утрам механизм. Напротив, я его почти люблю. Дело в том, что я – патологический лентяй. Илья Ильич Обломов по сравнению со мной был деятельным человеком. Он постоянно о чем-то мечтал и грезил, а это требует огромной затраты энергии. Я же энергию свою берегу для будущих важных дел и по пустякам не трачу, а стало быть, не расходую вовсе. Хорошо известный в древности тунейдец Лао Цзы наставлял: ни одно деяние не может быть важным для жизни. Судьбоносно лишь созерцание. Ибо, лишь созерцая, мы движемся вперед.

...Звонок будильника воспринимаю как радостное ознаменование нового дня. Встаю я не сразу, включаю радио и нежусь в сладкой дреме под невнятное бормотание. К этой серебристого цвета коробочке у меня такое же отношение, как у гоголевского Петрушки к книгам. Радиоглулости я не слушаю, только иногда морщусь, когда ведущие по утрам чересчур резвятся, мешая мне своими визгливыми интонациями ни о чем не думать. Наконец, выбравшись из постели, я недолго размышляю над проблемой завтрака, решая, заварить мне чай или выпить чашечку ароматного кофе, которого у меня в помине никогда не было. В итоге выпиваю стакан воды и отправляюсь «в город». Возвращаюсь я домой, а вернее в помещение, где провожу ночлег, поздним вечером. Тело ноет от приятной усталости прошедшего дня. Каждый мой день насыщен множеством событий. Я интенсивно передвигаюсь, встречаюсь с массой людей, произношу пространные, но ничего не значащие монологи и при этом... ровным счетом ничего не делаю. Потому что отдача, а вернее КПД от всех моих передвижений, встреч и пламенных речей всегда равны нулю – я ярый последователь учения Лао Цзы, и все мои действия носят характер не созидательный, а созерцательный.

Но сегодня все будет по-другому. Сегодня я открываю ресторан. Свой ресторан. Ну, почти что свой. Я теперь компаньон, совладелец, соучредитель и, короче говоря, солидный человек, волею судьбы и моих друзей определенный управлять этим новым питейноедальным заведением с дурацким названием «Ручеек у камина». Впрочем, на название мне роптать не пришлось, я придумал его сам. Вообще название для будущего ресторана я поначалу сочинил лихое – «Майн кайф». Но потом выяснилось, что в нашей стране сейчас идет очередная борьба за чистоту русского языка. Так что узаконить такую несусветную вывеску было бы дороже, чем открыть новый ресторан. Наткнувшись на бюрократический беспредел, моя творческая фантазия объявила забастовку и ничего путного в голову не приходило.

Помогло, как частенько бывает, то самое счастье, что зовется несчастьем. У работяг, занимавшихся ремонтом зала, не хватило облицовочного камня. В углу мерзко зияла чернотой невеста для чего продолбленная дыра. Но вечно поддатого прораба смутить было невозможно. Его устойчивая психика хронического пьяницы непробиваемой броней охраняла помутненное гремучей смесью водки с пивом сознание. На грозный вопрос, куда подевался камень, он ответил вроде бы невпопад, но в принципе весьма логично:

– А суюдой, хозяин, можно электрокамин вмандюлить. Будет красиво».

Слово «хозяин», произнесенное этим хитрюгой с максимальным иезуитским почтением, решило исход несостоявшейся схватки. Так меня еще никто и никогда не называл. Приославшись, я буркнул «ладно, подумаю» и твердой, как мне казалось, походкой, покинул свои

будущие владения, стараясь не заляпать цементным раствором и без того потерявшие цвет некогда белые кеды. Както стихийно образовался рядом с электрокамином ручеек – очередной брак ремонтников, который услужливый ум лентяя, больше всего на свете избегающего жизненных осложнений, трансформировал в невнятное, но, как мне казалось, романтическое название «Ручеек у камина».

...Выбирая с особой тщательностью одежду – что ни говори, деньто знаменательный, я мурлыкал привязавшуюся с самого утра фронтовую песенку, которую когда-то очень душевно исполнял актер Михаил Ножкин. Впрочем, слова песни я по своему обыкновению переиначил и вместо лирического «Бери шинель, пошли домой», напевал: «Бери рюкзак, пошли в кабак». На улице уже вовсю припекало июньское солнышко. Похоже, Москву решило навестить лето. Погода явно соответствовала душевному состоянию. Решив, что ехать на открытие собственного ресторана в общественном транспорте както нелепо, а пообедать я наверняка теперь смогу и в новом заведении, я бездумно истратил последнюю сотню на рискованную поездку в раздолбанном мотосредстве неопознаваемой породы. Водитель-узбек, по случаю жары скинувший сандалии и чернея никогда не мытыми пятками, согласился подвезти меня за столь ничтожную плату при условии, что я буду показывать ему дорогу. Управившись с ролью штурмана, вновь испеченный ресторатор через полчаса переступил порог, оказавшись в прохладе уютного вестибюля, еще пахнущего свежей краской.

Здесь меня приветствовали два новых сотрудника – повара Овик и Сан Саныч. Хмурый пятидесятилетний Сан Саныч, длинный и худой как жердь, в белоснежной поварской куртке, молча протянул мне огромную красную лапищу. Лицо его при этом исказила гримаса, очевидно, обозначавшая улыбку. Коротышка Овик, хотя и значился мангальщиком, был облачен в непомерно длинный клетчатый пиджак. С присущей всем кавказцам экзальтацией, он разразился целой речью, суть которой сводилась к следующему: у меня, как он надеется, должно хватить мудрости во всем слушаться советов, его, Овика – волшебника и кудесника в своем нелегком деле. Только в этом случае мне уже в ближайшем будущем надо будет серьезно позаботиться о том, где хранить те несметные богатства, что появятся от продажи приготовленных им, Овиком, шашлыков. Тех самых, что таять будут даже не во рту, а в руках тех многочисленных посетителей, которые день и ночь начнут толпиться в очереди. Образ тающей в руках баранины почемуто вызвал у меня легкую тошноту, и я поспешил прервать излияния повара решительным «пора работать».

Тут же, однако, выяснилось, что работать мы ни сегодня, ни в ближайшие дни не сможем, так как кастрюли, все как одна, для ресторанного процесса не пригодны, а на таком мангале, что мы приобрели, жарить можно только фекалии на палочке. Впрочем, в той армянской деревне, где прошло детство Овика, о фекалиях не имел представления, скорее всего, даже уважаемый председатель сельсовета и потому мангальщик употреблял с какимто необъяснимым мазохистским удовольствием обычное распространенное слово «говно».

Молчаливый же и хмурый (причину его неразговорчивости и даже нелюдимости я понял несколько позже) Сан Саныч удалился на свою отдельную, крохотную кухоньку, сверкающую чистотой. Здесь он, бывший повар шестого разряда ресторана «Националь», прошедший за собственные деньги полугодовое обучение у японского наставника, начал нарезать рыбу для суши и сашими, лепить ролы и священнодействовать над теми блюдами, что мы для простоты называли коротко «японка».

*

К вечеру запыхавшийся завхоз приволок новые кастрюли, вытяжку над мангалом прочистили, да и сам мангал, как выяснилось, был не так уж и плох. Но к этому моменту почти все повара были уже изрядно подшофе. Они благосклонно пояснили мне, что пьянство среди поваров – болезнь профессиональная и если я буду искать непьющего повара, то мне проще самому овладеть кулинарным искусством. Часов в двенадцать вечера я в очередной раз открыл

кассу. Этому простому действию, состоявшему из нажатия в определенной последовательности трех кнопок, меня научила кассирша, сопровождая процесс моего посвящения недвусмыслимо гнусной ухмылкой. В кассе я обнаружил к своему вящему удивлению восемнадцать тысяч рублей. Сумма казалась мне невероятно огромной, и я не понимал, откуда она взялась. Выяснилось, что пока я был погружен в свои переживания, с японской кухни было все же что-то реализовано первым посетителям нового ресторана, которых я умудрился даже и не заметить.

Обессиленный, я не сел, а рухнул за угловой столик возле пресловутого электрокамина (он, разумеется, оказался бракованным, так как куплен был по дешевке на какой-то распродаже) и жалобным тоном попросил чего-нибудь перекусить. Пока я размышлял, стоит ли мне после такого напряженного дня хряпнуть коньячку, или в воспитательных целях все-таки воздержаться – както, вроде, неловко на глазах персонала – сорокадвухлетняя повариха Оксана принесла прямо на сковородке шкворчащую картошечку подомашнему, поставила блюдо с маринованными огурчиками и зычно крикнула бармену, не поворачивая головы в его сторону:

– Ну ты, нерусский, не знаю, как звать тебя, налейка шефу чего покрепче с устатку, да для почина!

Про себя я саркастически хмыкнул на это двусмысленное «для почина». Интересно, что она имела в виду – почин денежный, или то, что отныне мне здесь пить надо будет ежедневно, в чем она, похоже, не сомневается. Через минуту они стояли возле меня все, вся моя (?) команда – четыре повара, три официантки, бармен, завхоз (он же разнорабочий), кассирша и даже посудомойщица – всего одиннадцать человек. Поскольку мой опыт руководителя ограничивался замечанием в адрес бывшей жены, типа – «возьми другую сумочку, эта к платью не подходит», то я растерялся. Чего они от меня ждали? Снова выручила Оксана.

– Игорь Аркадьевич, мы все поздравляем вас с открытием ресторана, – заявила она и без паузы гаркнула: – а теперь пошли вон отсюда, дайте человеку пожить спокойно, – а потом, сменив гнев на милость, уже тише добавила: – да и нам после трудов праведных тоже не грех...

Чего им было «не грех», я уже догадывался, но апатия охватила меня, а горькое, тяжелое сомнение накрыло, как придавило: что я здесь делаю, куда лезу?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

С самого раннего детства я любил делать только то, что любил. Так проявились во мне первые качества лентяя. Но любимым занятиям я предавался без устали – ведь настоящая любовь не утомляет. Скорее наоборот. Влюбленный юноша превращается в некий «перпетуум мобиле». Он готов часами преследовать объект своего воздыхания, лишь бы только лишний раз попасться на глаза какому-нибудь курносому существу на спичечных ножках. При благо-склонном отношении таскает за ней портфель, а если ему удастся подраться с ревнивым соперником, то собственный расквашенный на любовном ристалище нос воспринимает как высшую награду.

Впрочем, в дошкольные годы у меня было всего две страсти. Научившись складывать буквы в слова, я в четырехлетнем возрасте немедленно взялся за «Остров сокровищ». Одолев этот «фолиант» за каких-нибудь пару месяцев, чрезвычайно возгордился собственным успехом и, хотя мало что понял, цитировал эту книгу беспрестанно, где надо и не надо, демонстрируя тем самым не живость ума, которого и в помине не было, а лишь попугайскую детскую память.

Второй страстью стало лицедейство, а если говорить попросту, то непреодолимое и неведь откуда взявшееся стремление беспрестанно кого-то передразнивать. А поскольку в тот несмышленный период жизни чувство самосохранения отсутствовало у меня напрочь, то передразнивал я соседей. Выходя во двор, охотно демонстрировал всем желающим, как тетя Нюра помешивает в тазу варенье и одновременно заправляет за глубокий вырез летнего ситцевого халата свою необъятную грудь, которая то и дело норовит оказаться в кипящей клубничной пене. Довольно умело изображал вихляющую походку Светкистудентки, но лучше всего, по

общему признанию, удавался мне каркающий голос дяди Левы, который сопровождал сбегавшего на пруд внука: «Семик, паррразит, смотри мне, если утонешь, домой не возвррражайся!».

Если любовь к чтению особых нареканий моих родителей не вызывала – отец только следил, чтобы я не таскал из книжного шкафа Мопассана и Бальзака, то вторая моя страсть уже вскоре стала приносить весьма неприятные дивиденды в виде подзатыльников и беспрестанных жалоб соседей, а также неприятной клички, которая меня теперь повсюду сопровождала. «Опять эта обезьяна здесь шляется, подсматривает», – шипели мне вслед взрослые. А пацаны, встречая, просили: «Обезьяна, покажи, как Борька на скрипке играет», ну, или что-нибудь подобное.

*

Наконец настал тот сентябрьский день с опавшими желтыми листьями, когда мне всучили рыжий портфель с привязанными к нему двумя мешочками. В одном из них находился завтрак, в другом – чернильнице-выливайка. Именно эта чернильница преподнесла мне первый суровый урок, демонстрируя, что жизненные реалии ничего общего не имеют с общественной пропагандой, или, проще сказать, с рекламой: как только я перевернул эту невыливайку над новенькой тетрадкой, на белом линованном листке расплылась безобразная клякса, которую в конце урока училка украсила жирной красной «единицей». Честно говоря, этот самый «кол» мне чисто эстетически очень понравился, но отец моих художественных взглядов не разделял и, дабы вернуть неразумного сына к правде жизни, потянулся к ремню.

Но все это произошло чуть позже. А в то нежаркое утро, я плелся за мамой, пытаюсь выдернуть свою ладошку из ее руки, и горько размышлял о том, что впереди меня ждет что-то очень нехорошее. Не обладая особой фантазией, я стал неумело врать, что у меня болит спина и надо немедленно вернуться домой. Поскольку о ревматизме у семилетних мальчиков медицина и жизненная практика умалчивали, мама на мое нытье не обращала внимания. Так я был наказан за отсутствие должной сообразительности, что в дальнейшем послужило мне хорошим уроком и научило в сложных жизненных ситуациях врать более изощренно.

В школе нас построили рядами, по росту, в связи с чем я ничего происходящего так и не увидел. Взрослые что-то говорили – я и не вслушивался, интуитивно понимая, что все происходящее направлено лично против меня. Звук колокольчика, тренькающего в руках большой девчонки с несуразно огромными белыми бантами на голове, показался мне просто отвратительным. Потом нас повели в класс, заставив для чего-то идти в строю.

Дальше, правда, дело пошло полегче. Учительница спросила, кто знает буквы. Поднялись две или три руки. Потом я, с циничной ухмылкой много повидавшего в жизни человека, читал Букварь, который эта пожилая наивная женщина назвала «первой книгой жизни». После считал и даже прочел какое-то стихотворение, ужасно при этом гримасничая. Когда прозвенел звонок, учительница взяла меня за руку и подвела к двери, украшенной табличкой с коротким словом «директор». Вскоре туда же прошла моя мать. Через какое-то время меня снова повели на урок, но уже почему-то в другой класс. Так что, в отличие от других своих сверстников, в первом классе я проучился всего сорок пять минут, после чего был переведен сразу во второй. Здесь я оказался самым маленьким, изза чего и был посажен за первую парту.

Пацаны во втором классе оказались исключительно сплоченными; они уже целый год проучились вместе и на перемене поколотили меня сообща. Не так уж, честно говоря, больно, как обидно. Вырвавшись из их рук, я отбежал на безопасное расстояние и стал поочередно передразнивать каждого из них. Видимо, к школьному возрасту в своем обезьяньем искусстве я достиг такого мастерства, что мои одноклассники смотрели этот моноспектакль, широко открыв рты, покоренные небывалым зрелищем. После того как один пацан спросил: «А Ан Ванну сможешь?», и они увидели в моем исполнении утиную походку и беспрестанное протяжное «воооот» учительницы Анны Ивановны, я был окончательно и бесповоротно принят в этот дружный коллектив, вместе с которым искусно и изощренно издевался над педагогами

еще девять последующих лет, стремясь отомстить им за то, что в нашей стране среднее образование – общее и обязательное.

*

Начальные классы я проскочил на едином дыхании, так как продолжал много читать и числился чуть ли не вундеркиндом. Потом дело пошло потуже, но классу к шестому у меня уже появились навыки бездельника, умеющего изобразить бурную деятельность. К тому же выручала подаренная родителями к дню рождения двенадцатитомная «Детская энциклопедия». Этому, по моему глубочайшему убеждению, уникальному и незаменимому изданию, я обязан всем своим школьным псевдоуспехам.

С гуманитарными и общественными предметами у меня проблем не было, а как только нужно было подготовиться по физике, химии или другим точным предметам, я открывал соответствующую главу энциклопедии, заучивал ее как стихотворение, а затем оттачивал на уроке. Получал свою законную «пятерку», вместе с ней неперенные комплименты по поводу особо глубоких знаний, и исчезал из класса до следующего раза. Дело в том, что я превратился в штатного общественника и законных поводов улизнуть с уроков у меня было более, чем достаточно. Поначалу я стремительно поднимался к вершинам пионерской номенклатуры, потом стал комсомольским вожаком. Даже уезжая летом в пионерский лагерь, оставался эдаким маленьким функционером. Воспитатели и пионервожатые опытным педагогическим взглядом мгновенно определяли во мне номенклатуру, и уже к вечеру первого дня я непременно был «избран», а проще говоря, назначен председателем чего-нибудь – отряда или дружины, что даже в те сопливые годы сулило всяческие привилегии и относительную свободу. Блядский строй всегда умел позаботиться о своих приспешниках, оставляя для них теплые местечки у кормушки и не давая в обиду.

В своей жизни я настолько ничего не добился, что уже давно могу позволить роскошь судить о себе объективно. Так вот, к чести своей скажу, что мой карьеризм ни в коей мере не отражался на сверстниках. Я никогда не был стукачом, охотно давал списывать диктанты и изложения, прилично играл в футбол. Походив несколько лет в секцию бокса (исключительно из соображений собственной безопасности, ибо до занятий боксом меня не бил только ленивый), был не лишним в коллективной драке. Ну, а по части завернуть взрослым какую-нибудь поганку и вовсе слыл непревзойденным специалистом, поскольку если не умом, то уж, во всяком случае, смекалкой обделен не был и гадости творил исключительно обдуманно и планомерно.

*

Не знаю, как теперь, а в те годы в школах была должность завуча по воспитательной работе. В нашей школе эту должность занимала учительница физики Тамара Владимировна Гойда. Придя однажды вечером к нам домой (я тогда уже в классе девятом учился), она делилась с моими родителями:

– Я не могу понять вашего сына. Он – мой неразгаданный педагогический ребус, – высказалась она несколько вычурно и пояснила: – Ваш Игорь ведет огромную общественную работу, недавно стал комсоргом школы, капитаном команды КВН. Мы в школе создали из учеников совет справедливости. Я лично рекомендовала Игоря председателем этого совета. Както неделю назад было заседание совета. Разбирали очень сложный дисциплинарный случай. Я восхищалась Игорем, настолько точно и справедливо он все разобрал. А через час увидела, как он на заднем дворе бьет какому-то парню не из нашей школы, извините, морду. Я не понимаю, как это может сочетаться в одном и том же ребенке. А потом – его учеба. Я просто не понимаю, как он учится. Вот по физике, он же вообще, помоему, не представляет даже элементарной сути этого предмета. А выйдет отвечать, ниже пятерки ничего поставить не могу. Мы, на педагогическом совете, конечно, решили тянуть его на золотую медаль – он комсорг(!), как иначе? Конечно,

мы на многое закрываем глаза, лишний раз к доске не вызываем, но как он все это делает – ума не приложу. Очень трудный педагогический случай.

В нашей маленькой квартирке мне и подслушивать не понадобилось этот разговор, а спровадить на улицу «очень трудный педагогический случай» им в голову не пришло. Тамару Владимировну я слушал очень внимательно. Услышав ее охи и ахи, не возгордился собой – непонятым, а лишь утвердился в мысли, что нахожусь на верном пути. И все же – поскользнулся.

*

В нашей школе был свой театр. Не драмкружок, а именно школьный театр. Руководила им бывшая актриса какого-то провинциального ТЮЗа Нина Андреевна Максимова. Днем она работала библиотекаршей, а после окончания уроков проводила занятия с юными дарованиями. Маленькая и худенькая словно мальчишкапятниклассник, она, как и все бывшие травести, неудовлетворенные своим малопочтенным амплуа, открыла в себе талант режиссера, с жаром и страстью применяя его в нашей школе. На школьных вечерах непременно показывали сцены из какой-нибудь пьесы, иногда мы становились зрителями премьерного спектакля. Вместе с артистами, которым она и до плеча не доставала, Нина Андреевна в вечернем платье выходила в конце спектакля на поклон, трогательная в своем волнении.

В библиотеке я бывал чаще, чем в классе, так что с Ниной Андреевной виделся постоянно. Однажды, когда я, выбрав книги, уже собирался уходить, она меня остановила:

– Игорь, я давно к вам присматриваюсь. Вы знаете, вот уже много лет я мечтаю поставить пьесу о декабристах. Это замечательная драматургия, тонкая и вместе с тем очень трагическая. Но я никак не могла найти актера на роль Пушкина, а она там одна из центральных. Так вот, вы подходите идеально.

Будучи, как и все девятиклассники, нигилистом, я тем не менее оторопел до такой степени, что чуть книги из рук не выронил. Немой вопрос застыл у меня в глазах.

– Вы, вы, и не вздумайте возражать. – Нина Андреевна, с неожиданной для нее цепкостью ухватила меня за рукав и потащила в какой-то закуток, где было зеркало. – Ну, посмотрите на свою прическу. Эти кудри! Это же просто пушкинская шевелюра. Немного грима, бакенбарды и вы – вылитый Александр Сергеевич.

Сегодня, глядя на свою гладкую, словно отполированную, лысину, я и сам уже, кажется, не верю, что когда-то, в детские и школьные годы, действительно был кудряв. Кудряв до такой степени, что мою дворовую кличку «обезьяна», прочно сменило прозвище «Курчавый». Но играть Пушкина! Это уж чересчур. Однако для Нины Андреевны ее идея превратилась в истине навязчивую. Однажды она все же уговорила меня «просто загримироваться под Пушкина» и посмотреть на себя ее глазами. И зачем я только согласился?! Знать бы, чем это все обернется, я бы не только руководительницу театра, но и библиотеку, где она работала, за три версты обходил.

Мой слабый жизненный иммунитет рухнул сначала на колени перед этим сказочным болотом под названием «Театр», а потом и вовсе в нем потонул. Я еще барахтался, предаваясь своему любимому развлечению под названием КВН, но уже ноги сами несли меня на репетиции. Я с нетерпением ждал того дивного мгновения, когда моя прыщавая юношеская физиономия превратится в лик того гения, что прославил русскую землю и чьи стихи своей мелодичностью по сей день отличают русский язык от всех языков мира, покоряя и завораживая.

Директорствовал у нас в школе Лев Акимович Розенталь, прозванный нами без особой выдумки «Царь зверей». Боялись его одинаково и ученики, и учителя. По школьным коридорам он не ходил, а проносился как метеор, в пиджаке, всегда накинутом на плечи, очки сдвинуты на лоб, в зубах зажата погасшая папироса. Лев Акимович все видел, от его хозяйского взора не ускользали никакие наши проделки. Провинившегося он самолично хватал за ухо и волочил, что в лесную чащобу, в свой кабинет. Усевшись за царственный стол, молча разжигал

папиросу и долго, не произнося ни слова, испепелял проказника взглядом. Затем тихим голосом, почти шепотом, спрашивал: «Ты зачем, мерзавец, позоришь мою школу?» И сразу, без паузы, швырял в ученика первой попавшейся под руку картонной канцелярской папкой и орал так, что стекла звенели: «Убирайся вон из школы и заberi свое личное дело!» Почемуто фраза про личное дело наводила на нас особый ужас. Понятно, что никто из школьников своего личного дела не только в глаза никогда не видел, но даже не представлял, как оно выглядит, это самое «личное дело». Но, помоему, всем нам одинаково представлялось нечто загадочнозловещее. После бешеного крика проходило несколько минут томительного молчания, после чего «Царь зверей» почти что ласково вопрошал: «Ты что, негодай, в ПТУ хочешь вылететь или сразу в детскую колонию (судя по тону большой разницы между двумя этими заведениями директор не делал)?» Завороженный и подавленный, школьник отрицательно мотал головой, получал вполне мирное напутствие не курить, не баловать и т.д., пятясь, открывал спиной, или чемто пониже дверь и, счастливый, съезжал по перилам лестничного пролета.

Но театру своему директор не только благоволил, но и гордился его успехами. Человек энергичный и деятельный, он, как я теперь понимаю, добывал нам из какихто неведомых фондов материалы для декораций, договаривался с пошивочными ателье о костюмах, одним словом, мы ни в чем не испытывали затруднений. В день премьеры я обнаружил в себе новое качество – умение волноваться. Нина Андреевна чтото говорила о мизансценах, паузах, втором плане – я ничего не слышал. До тех пор, пока в зале не загремели аплодисменты. Ну, или мне казалось в тот дивный вечер, что они гремят. И гремят исключительно в мою честь – вот уж в этом я тогда не сомневался. Роль великого поэта принесла мне не только неслыханную популярность во всей нашей округе, но и новое прозвище, приклеившееся ко мне на долгие годы. Забыв о «Курчавом», меня теперь иначе как «Пушкин» никто не называл.

*

До окончания десятого класса оставалось несколько месяцев, когда выяснилось, что наш спектакль о декабристах будет представлять Москву на всесоюзном конкурсе школьных драматических коллективов – вот так это пышно называлось. «Царь зверей» собрал нас, участников спектакля, в своем кабинете. Каждому персонально вручил билет на поезд Москва–Киев (конкурс проходил в столице Украины) и напутствие вернуться с победой. Нина Андреевна торжественно объявила, что по условиям конкурса исполнителям женской и мужской роли в спектакле, занявшем первое место, будет предоставлено право вне конкурса поступить в театральный вуз. Мы слушали плохо, конкурс нас не волновал, нас будоражила предстоящая поездка. Одни, без родителей и без учителей. В сопровождающие нам, вместе с Ниной Андреевной, определили бывшего учителя физкультуры Ивана Матвеевича, пенсионера с вечно красной рожей выпивохи. Никого другого Лев Акимович и отпустить не мог – на носу были выпускные экзамены.

Ехали ночью, в плацкартном вагоне, бренчали на гитарах, выходили в тамбур курнуть, глотнуть дешевого портвейна и поцеловаться с тремя девчонками – среди «декабристов» «дам» было немного. Матвейч, так мы его сразу панибратски стали называть (мы же не в школе), смотрел на нас с отеческой добротой. Потом подозвал меня к себе и сурово молвил:

– Запомни, пацан, сызмальства. Гадость эту, что вы здесь лижете, в рот не бери. В ней одна отравка, душа от нее сворачивается. Накось вот, моего отведай, первачок, что твоя слеза.

Прикрывая полый пиджака бутылку, он ловко наполнил стакан мутноватой жидкостью и вместе с какимто огрызком протянул мне. Что такое самогон, я уже, к своему солидному возрасту, знал, но пробовать не доводилось. И отец был по этой части строг, да и самого както не тянуло. До этого дня я, признаюсь, с отвращением, исключительно чтобы не выделяться среди одноклассников, изредка ходил с ними в пивную, где заставлял себя глотать горький напиток. Баловались мы и портвейном, но и этот напиток мне по вкусу не пришелся. И вот на тебе – полный стакан самогона. Я уж было начал на ходу придумывать какуюто отговорку,

чтобы отказаться, но тут случилась, конечно же, Танька. У этой девчонки был талант появляться внезапно там, где ее вовсе не должно было быть. Об этом знала вся школа, но отделаться от Таньки было невозможно. В пьесе она играла эпизодическую роль какойто престарелой княгини, но корчила из себя столько, будто на ней по меньшей мере держится если не все отечественное искусство, то уж наш спектакль – точно. Все мгновенно углядев, она зашипела аки змея: «Пушкин, не пей, не пей, я тебе говорю, Пушкин, все Нине Андреевне расскажу». Ну, этого я точно стерпеть не мог. Чтобы женщина мне указывала. И я махом, одним глотком, широко разинув рот, проглотил эту обжигающую нутро жидкость. Произошло непонятное: я не закашлялся до слез, не выпучил глаза, даже не поморщился. Как заправский боец из фильма «Судьба человека» в исполнении Сергея Бондарчука, нюхнул сухой огрызок и, выслушав от Матвеича поощрительновосхищенное «могешь, пацан!», побрел к своему месту. Уснул я мгновенно и спал мертвецким сном, утром меня растолкали с трудом. На перроне Матвеич заботливо спросил: «Похмелишься?». Придав голосу уверенность и строгость, я ответил «Не похмеляюсь» и твердо шагнул к автобусу.

Мы возвращались в родную школу триумфаторами. Вместе с дипломом о первом месте я увозил с собой направление в театральное училище.

*

Воспринимая «направленца» как неизбежное зло, этюд на вступительном экзамене мне предложили для бездарных. Я должен был вбежать в аудиторию, где за столом сидели педагоги, и прокричать им, что в соседнем помещении пожар. В коридоре абитуриенты, каждый из которых считал себя по меньшей мере талантом, наперебой советовали мне орать погромче, выпучивать глаза и для вящей достоверности размахивать руками. Выслушав бесценные советы, я отворил дверь, ленивым шагом прошел на середину аудитории и, спокойно водрузившись на стул, спросил:

– Экзамены здесь принимают, или перейдем куда?

– А переходитьто зачем? – спросил известный всей стране актер, явно озадаченный таким нахальством.

– А в соседней аудитории – пожар, сейчас дым все глаза выест.

– И вы так спокойно об этом говорите? – попенял мне другой член приемной комиссии.

– А чего шуметь? Поди сгорело уж все. Раньше шуметь надо было.

На другой день в списке принятых в училище я увидел свою фамилию. Начиналась новая жизнь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Не знаю, что это было. Летаргический сон, забытье, прострация? Две недели прошли в какомто сплошном тумане. Проблески сознания появлялись только к ночи, когда надо было закрывать кассу. Выяснялось, что, несмотря на весь бедлам и неразбериху, ресторан все же работал. Приходившие сюда люди чтото ели и пили и не только не швырялись в нас тарелками, но даже платили деньги. И все же, коекак выбравшись из своего сомнамбулезного состояния, я отчетливо понял, что дальше так продолжаться не может. Наше углое суденышко, без руля и ветрил, непременно, и довольно скоро, разобьется, так что спасать его надо немедленно.

В поисках «рулевого» я отправился в ресторанчик, который был местом обитания нашей студенческой братии. Метрдотелем там работал Юра Рыбаков – специалист, известный всему ресторанному миру. Начинал он когда-то официантом и своей виртуозностью прославился без преувеличения на всю страну. Юра участвовал во всесоюзном конкурсе. Конкурс проходил на ВДНХ, и Рыбаков торжественно вручил нам, тогда еще студентам, несколько пригласительных билетов.

Огромный зал был уставлен красиво и торжественно сервированными столами. Меж столов сновали, все в чернобелом, официанты, приехавшие из разных городов и весей. Их движения были быстры и плавны, со стороны казалось, что они скользят по льду. К финалу их

осталось несколько человек. Юра – один из них. Подойдя к постановочному столу, он продемонстрировал скорее даже не мастерство официанта, а поистине цирковой трюк. Один, без всякой посторонней помощи, водрузил на свои вытянутые руки четырнадцать (!) заполненных разнообразными салатами и закусками тарелок и потом, точно так же – самостоятельно, расставил их аккуратно на другом столе, за которым сидели члены жюри. Поправил салфетку и замер в полупоклоне, ожидая реакции. Реакция последовала незамедлительно – члены жюри и все собравшиеся в зале зрители аплодировали Рыбакову стоя.

Вскоре он стал метрдотелем, както враз превратился в солидного мужчину, хотя называли его попрежнему только по имени. У него было какое-то чуждое нашему слуху отчество, что-то вроде Срулевич; Юра его явно стеснялся.

Вот к этому кудеснику за советом, а точнее за помощью, я теперь и направлялся. В тот утренний час народу в ресторане было немного. Завтракали несколько явно командировочных, да за столиком возле бара «поправлял здоровье» тщедушный мужичонка, громко всхлипывая после каждого глотка. Из ранее мне знакомых официантов я увидел только Костю Сабитова – Кота, как звали мы его в студенческие годы. Кот был попрежнему худым и плоским, как стенгазета, только поседел изрядно.

В те беззаботные годы, когда это заведение наша шумная братия предпочитала студенческим классам, мы с Костей чуть ли не приятельствовали. Во всяком случае, занимали всегда столик, который он обслуживал. Поудобнее устроившись и сделав заказ, первым делом наполняли отдельный стопятидесятиграммовый фужер водкой и отставляли его к краю стола – это был выигрыш. Под крахмальную салфетку прятали колоду карт. Костя, пробегая мимо нашего стола, останавливался, делал вид, что чего-то там поправляет, снимал карту и спешил дальше. Играли мы в немудреное «двадцать одно». Сто пятьдесят грамм водки предназначались победителю. Я не припомню, пожалуй, и одного случая, когда этот приз доставался кому-то из нас. Если мы в ресторане засиживались, то к концу нашей веселой трапезы Костя надирался так, что походка его становилась замедленной и какой-то деревянной, движения чересчур плавными, а взгляд – стеклянным, вернее, остекленевшим. Впрочем, это не отражалось на его работе и качестве обслуживания, так нам, самим уже нетрезвым, казалось.

Лишь однажды мы с Костей повздорили, когда счет оказался просто грабительским.

– Пьешь, гад, нашу водку, и нас же еще и обсчитываешь, – с обидой высказался кто-то из нас.

Костя резонно возразил, что водку он пьет исключительно выигранную в честной игре и философски заметил:

– Вы, ребята, неправильно рассуждаете. Кого же еще обманывать, если не своих? Чужие могут и пожаловаться, и по репе настучать. А свои на то и свои, чтобы делиться. Я же вам разрешаю каждую вторую бутылку с собой приносить...

Костя мне обрадовался, попенял, что пропадал так долго, предложил немедленно отметить встречу и рассказал, что Юра давно уже здесь не работает и вообще нигде не работает. «Он теперь на вольных хлебах, – пояснил официант, – Ресторанов появилось тьматмущая, вылезают, как грибы после дождя. Вот Юрка и помогает всяким «бизньнисьменам» открывать кабаки. Хорошо поднялся на этом, хату роскошную купил. Правда, женился, сказал Костя, закоренелый холостяк и бабник, каких свет не видел, с явным осуждением.

Телефон Рыбакова он мне продиктовал тут же. Покинув ресторан, я Юре позвонил сразу и уже через пару часов мы встретились «У камина». Мэтр ресторанного дела не спеша обошел заведение, хмыкая и что-то пометая карандашиком в маленьком блокноте, с которым, как я помнил, никогда не расставался. Когда мы присели в зале, заказал чашечку кофе и после долгого молчания, просмотрев свои записи, произнес:

– Помогу. Но предупреждаю сразу – месяц, от силы полтора – не больше. Просто уже договорился с серьезными людьми, помогаю им открыть армянский ресторан. Но за это время

постараюсь наладить тебе дело. Понятно, насколько смогу... Скажу сразу: первоначально найди директора и кладовщика. Без них – никуда. Я вообще удивляюсь, как ты открылся без этих людей. Все остальное в рабочем порядке. Директора ищи сам, кладовщицу могу порекомендовать, девочка хорошая, даже небольшой опыт есть, – и спросил без паузы: – Сколько платить будешь?

О зарплате мы договорились. Прощаясь и конфузливо улыбаясь, Юра спросил:

– Если можно, у меня еще есть просьба. Я же кофеман. Нельзя ли мне за счет заведения в день выпивать две чашечки кофе?

– Да что ты, Юра! Какие две чашечки, пей сколько угодно, воскликнул я, вдохновленный тем, что у меня отныне появился такой волшебник, – и, улыбаясь, добавил: – Будет тебе кофе, будет и шоколад.

То, что Юра кофеман, я знал, но кофе для него – потребность. А была у Рыбакова еще и слабость – он обожал шоколад, обожал, как ребенок, и ничего не мог с собой поделаться.

– Никогда и никому не позволяй такого, – строго заметил Рыбаков. – Это ресторан, хозяйство. А в хозяйстве все должно быть учтено. До единого куса хлеба. Сегодня ты мне кофе без ограничений позволишь, завтра у тебя официанты жрать будут от вольного. Здесь что, ресторан или благотворительная столовая? – Ну, то же, – удовлетворенно хмыкнул он, увидев кислую физиономию незадачливого ресторатора.

*

С появлением Рыбакова я вздохнул с облегчением. Повара, официанты и все остальные, кого называют персоналом, враз почувствовали твердую руку профессионала. На третий день он предъявил мне целый список. Надо было срочно вызывать электриков – проводка никуда не годилась, купить для кухни ножи, разделочные доски, контейнеры для продуктов и кучу еще каких-то вещей, о каких я и понятия не имел.

– Да и к зиме пора готовиться, – сказал Юра со вздохом и подвел меня к батареям отопления, задекорированным узорчатой чугунной решеткой.

– Это что?

– Батареи, что же еще?

– Нет, – покачал головой Рыбаков. – Это муляж. – Он просунул руку сквозь решетку и легко отодвинул батарею от стены. Она не была приварена к трубам, а просто прислонена. Гадыстроители и тут умудрились свинью подложить.

– И вот еще что, – добавил Юра. – Боюсь, с Сан Санычем придется расставаться. Пьет. И с этим уже ничего не поделаешь.

– Да с чего ты взял? – возмутился я, подавленный лавиной обрушившихся на меня проблем.

– Увидишь, – только и ответил Рыбаков.

И накаркал. Сан Саныч заболел. Позвонил по телефону, сказал, что сердце прихватило. После третьей «болезни» его действительно пришлось уволить: Сан Саныч оказался не просто алкоголиком. Он был запойным. Юра взялся за телефон, обзвонил кучу знакомых. К вечеру появился сушист Жора. Здоровенный молодой парень с трубным голосом, голова повязана банданкой с японскими иероглифами. Без лишних слов переоделся в куртку-кимоно, пошел на кухню, взял в руки нож, стал разделывать рыбу. «Хоть бы руки вымыл после улицы», – лениво подумал я, наблюдая за его ловкими манипуляциями с семгой. Но Юра был уже тут как тут. Ткнул Жору в спину, глазами кивнул на раковину и пошел себе дальше, не сомневаясь, что его молчаливое указание будет выполнено. Жора действительно повиновался беспрекословно. Так же беспрекословно слушались «академика» (так Юру прозвали в ресторане в первый же день) и все остальные, признавая за ним право приказывать.

Через пару часов услышал шум в зале. Какая-то толстая баба кричала, что такие отвратные суши даже в супермаркете не продают. Не уступающий ей в габаритах мужик согласно кивал

головой, но продолжал поглощать суши с невероятной быстротой, словно боялся, что отнимут. Юра конфликт уладил.

– Поговорите с Жорой, – предложил он мне, а то поставщики приехали, надо их отпустить.

– В чем дело, Жора, почему люди были недовольны? – я постарался придать своим интонациям максимальную строгость.

– Все нормально, шеф, – достаточно развязно и както даже снисходительно ответил повар. – Японская кухня для людей пока еще новая, можно даже сказать, экзотическая. Им просто хочется попробовать этой экзотики, чтобы от моды не отставать. А как правильно есть эти блюда, они и понятия не имеют, вот и портят вкус сами себе. Поэтому не получают нужных вкусовых ощущений. Вот вы, например, умеете есть японские блюда?

– Люблю, – ответил я довольно неопределенно, неосмотрительно дав своему говорливому оппоненту возможность для продолжения дискуссии, от которой тот получал явное удовольствие, к тому же уводя суть проблемы в сторону, вроде как на меня ее перекладывал.

– Любить и уметь – понятия разные, – тут же воспользовался Жора моей оплошностью.

*

По вечерам у нас теперь живая музыка. По рекомендации моих знакомых в зале поет Ляля Удальцова. Она уже исполнила несколько песен в эфире радио «Наш шансон», о ней поговаривают как о будущей звезде эстрады. Худая почти до анорексии звезда не выпускает изо рта сигарету, умудряется курить даже во время пения. Кофе пьет литрами, в отличие от Юры не спрашивая разрешения и не ограничивая себя. С аппетитом у Ляли тоже все в порядке, я даже не понимаю, как при таком аппетите можно оставаться такой изможденной. На этой почве у них постоянный конфликт с Юрой, он запрещает Ляле ходить на кухню. А вот сушист Жора самый горячий поклонник ее таланта. Когда нет заказов, сидит неподалеку от эстрады, всем своим видом показывая, что получает неземное удовольствие. Рядом с Жорой теперь неизменно находится его девушка (он называет ее невестой), голубоглазая крашеная блондинка с вечно обнаженными и влажными розовыми деснами. Девушка музыкальные пристрастия своего жениха разделяет и когда он млеет, томно прислоняется к его плечу, прикрывая глаза, надо полагать, от удовольствия. Такая вполне семейная идиллия, что и говорить.

В воскресенье вечером, как мне нашептали, идиллия продолжается у Жоры дома – Ляля ходит к ним в гости. Она рассказывает официантам и поварам, не сдерживая восторгов, что дома Жора (непревзойденный мастер японской кухни, которого здесь просто не ценят и не дают развернуться соответственно его таланту) угощает ее какимито невиданными блюдами и потчует икрой летучей рыбы, пояпонски – тобики, от которой Ляля, по ее собственному выражению, просто балдеет. На самом деле эта мелкая рассыпчатая и разноцветная икра идет на обсыпку и украшения японских блюд, и она довольнотак безвкусна. Но Ляле, натуре музыкальной, видимо, важен не столько вкус, сколько необычные название и цвет тобики. Когда выяснилось, что икру летучей рыбы певица употребляет в тех же объемах, что сигареты и кофе, «академик» провел с Жорой профилактическую работу. Самым весомым аргументом стал эдакий «отцовский» подзатыльник, не больный, но обидный, после чего Жора признал свои ошибки и внес в кассу недостающую там сумму.

*

– Приехала кладовщица, – сообщил Юра както утром. – Она немного напугана. В том заведении, где Снежана раньше работала, были какие-то необузданные хозяева. Склоняли ее чуть ли не к групповому сексу. В общем, она оттуда сбежала. Поговорите с ней сами.

– Хорошо, поговорю, – согласился я. – Кстати, Юра, все хочу тебя спросить. Мы с тобой сто лет знакомы, я попрежнему к тебе на «ты», а ты мне что-то все выкаешь. Я понимаю, когда это при сотрудниках, но с глазу на глаз...

– Даже речи быть не может, – тоном, не терпящим возражений, перебил меня Рыбаков. – Пока я получаю у вас зарплату, буду обращаться к вам только на «вы» и по имениотчеству. Так вы поговорите со Снежаной, Игорь Аркадьевич. Она на складе.

Снежане на вид лет двадцать восемь. Черноволосая и кареглазая, она меньше всего, как мне представляется, соответствует этому имени. Женщина рассказала, что опыт складской работы у нее есть, хотя призналась, что не вполне еще освоила компьютер. Достав пачку сигарет и тут же смущенно запихав ее обратно в сумочку, неуверенно произнесла:

– А сколько у вас учредителей?

– Послушайте, Снежана, я краем уха слышал от Юры о ваших, – я закашлялся, – ну, скажем так, проблемах. Так что вам совершенно не должно быть важно, сколько у нас учредителей. Мы пригласили вас работать на складе, и давайте будем исходить только из этого. Как женщина вы здесь никого не интересуете.

Утверждение получилось несколько обидным и достаточно двусмысленным и голословным. Впрочем, любое преувеличение – это, как известно, ложь честного человека. Так что я не стал поправляться. Да и Снежана явно не обратила внимания, что, как женщину, я ее так унизил. Она явно осталась довольна таким ответом. Я же рад, что есть теперь кому заниматься заказами продуктов, их поставкой и прочими премудростями складской работы, о которой я тоже ни малейшего понятия не имел. Можно подумать, что другие тонкости ресторанного дела мне уже стали ясны! – мелькнула у меня в тот момент довольнотаки обидная и горькая мысль. Но я не стал заниматься самобичеванием. Как уже было сказано, я достаточно ленив для этого.

*

А вот директора мне удалось найти самому, чем я чрезвычайно горжусь. Один мой давний приятель долгие годы работал в различных советских представительствах и посольствах за рубежом. Его жена, учительница английского языка, моталась вместе с ним по заграницам лет десять, а то и больше. Когда вернулась в Москву, работу найти так и не смогла, безработных учителей в стране к тому моменту и без нее хватало, а те, что работали, месяцами зарплату не получали – такие тогда времена были.

Так что долго уговаривать Наталью мне не пришлось. Она только с тревогой заметила, что в ресторанном деле ничего не понимает и высказала опасение, что тем самым подведет меня.

– Да я и сам ничего еще не смыслю, так что будем осваивать премудрую ресторанный науку вместе, – с неоправданным оптимизмом «успокоил» я ее. – К тому же у нас там такой академик сейчас работает, что он тебя живо всем премудростям обучит.

Следующий день Юра Рыбаков, оторвавшись от своих хлопотных дел, целиком посвятил новой директрисе и Наталья Николаевна Седова, как принято изъясняться на бюрократическом наречии, приступила к своим обязанностям.

Первому от нее досталось Жоре. Еще не искушенная в делах, она, рачительная женщина, ведущая домашнее хозяйство и кормившая двух сыновей и мужа, усомнилась, что при весьма скромных оборотах нашей японской кухне требуется такое количество продуктов. Поделилась своими сомнениями с «академиком». Юра произвел коекакие расчеты, сделал неутешительный вывод: Жора ворует. На следующий день они с Натальей проводили тестирование нового сушиста.

– Вы, друзья, не слишком ли резко с Жорой обошлись? – спросил я их. – Както раз, два – и уволить.

– Игорь Аркадьевич, в ресторанах воровали и воровать будут. Пойманных воров выгоняли и выгонять будут, – наставительно и жестко произнес Рыбаков. – Других мер не существует. Перевоспитать вора не в состоянии даже тюрьма, а у нас – ресторан. И все, кто здесь работает, должны понимать – воровство безнаказанным не останется. Кстати, я видел, что Жора ходил сегодня в бухгалтерию. Не хватало еще, чтобы вы ему зарплату выплатили.

– Но он же работал...

– Он не работал, он воровал, – так же жестко перебил меня Юра. – Украденное надо возвращать. Еще неизвестно, хватит ли его зарплаты, чтобы покрыть его же недостачу.

Следующим вечером в ресторан ввалился пьяный Жора. Днем он побывал в бухгалтерии, потом у директора Натальи Николаевны, пытался что-то доказать, даже скандалил. Ничего не добившись, напился и, явившись в ресторан, устроил дебош. В пьяном угаре грозил мне какими-то карами, кричал, что знает, кому и что сообщить. Какой-то темпераментный гость уже, не выдержав этих пьяных Жориных воплей, выкрикнул со своего места: «Слушай, дарагой, ты мне кушать мешаешь!» В общем, мы коекак избавились от разбушевавшегося Жоры, применив методы, ну скажем так – далекие от дипломатических.

Пока мы разбирались с разбушевавшимся растратчиком, из ресторана ушли, не расплатившись, заказавшие обильный ужин гаишники. Или гибэдэдэшники? Хрен их разберет, так часто меняют они названия. Мы решили, что они воспользовались суматохой и попросту сбежали, но через пару дней эти же господа в красивых фуражках и белых перчатках с раструпами, как ни в чем не бывало, заявили снова. Когда официант принял у них заказ, к их столу подошел всевидящий Юра и молча положил на стол счет, пояснив, что нужно оплатить предыдущий ужин.

– Вообще-то мы здешние, пост наш рядом, – снисходительно пояснил старший из них по званию – капитан. – Открылся новый ресторан, вот мы и пришли. Вы что же, с нами дружить не хотите? – в голосе капитана прозвучали явно угрожающие интонации.

– А чего мне с вами дружить? – бесстрашно парировал Юра. – У меня машины нет, я на метро езжу. – А если хотите питаться у нас постоянно, то можем предоставить вам скидку.

«Гайцы» дружно расхохотались, так же дружно поднялись и вышли из ресторана.

– И что это все значит? – спросил я у «академика».

– А то, что гаишников никто и нигде бесплатно не кормит, – ответил он. – А тут они видят, новый ресторан открылся. Вот и пришли на авось – вдруг халява прокатит. Не прокатила. Так что вы не беспокойтесь, они больше не придут. Им здесь не светит. Да не о чем говорить. У вас и без них нахлебников будет хоть отбавляй, – многозначительно закончил он и пошagal по своим нескончаемым делам.

*

Прошло полтора месяца с того дня, как Юра Рыбаков появился в «Ручейке у камина». Его новые работодатели наконец построили свой ресторан и нам пришла пора прощаться. Каждое утро «академик» проводил пятиминутки с персоналом. Отдельно с официантами, отдельно с поварами. В то утро он собрал их всех вместе. Прощание было коротким.

– Каждому из вас я хочу еще раз сказать то, что говорил ежедневно. Запомните: в ресторане нет ни клиентов, ни посетителей. Клиенты в парикмахерской и в бане, посетители в учреждениях. В ресторане – гости. Когда о каждом человеке вы будете думать, как о своем госте и обслуживать его так, как вы бы принимали своих гостей дома, тогда здесь будет не просто заведение, а ресторан, – и Юра церемонно поклонился.

Мы остались вдвоем. Мне жалко, а скорее боязно, было с ним расставаться. Хотелось услышать еще хоть какие-то советы, ведь в суматохе дел нам так мало удавалось разговаривать наедине. Мне казалось, что чего-то самого главного я у него так и не узнал, а может, не услышал.

– Юра, давай сегодня поужинаем вместе, ты же теперь здесь больше не работаешь, так что можешь себе такую вольность позволить, – предложил я ему.

– Не могу, меня уже ждут на новом месте, – отказался он. – А вот еще чашечку кофе, чтобы вы не обижались, выпью. Третью, в порядке исключения, – он улыбнулся.

– Ну, и шоколадку на дорожку, – поддел я его.

– Ох, знаете вы мою слабость, – откликнулся Юра. – Ну что ж, присядем на дорожку...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ученые и изобретатели в большом долгу перед человечеством. Позорно расписавшись в собственном бессилии, изобретатели отказались от попыток выдумать вечный двигатель. Да и машину времени они тоже до сих пор создать не сумели, лишив род людской столь соблазнительных перспектив и осложнив нашу жизнь. А может, наоборот. Может, жизнь наша временами течет так размеренно и спокойно именно потому, что мы не в силах заглянуть в день завтрашний. Кто знает?

Если бы я, студент престижнейшего в стране театрального училища, мог заглянуть в будущее, то увидел бы такую картину. Мы, трое, выходим из магазина, держа в руках по бутылке. На мне давно нуждающийся в утюжке костюм, не первой свежести сорочка, а галстук свисл таким жгутом, что только дискредитирует свое благородное предназначение. Бритье я с утра тоже проигнорировал, так что являю собой классический вид опустившегося интеллигента. Мои собутыльники, впрочем, выглядят не лучше. Киномеханик Генка к своему внешнему виду вообще относится весьма снисходительно, утверждая, что все равно большую часть времени проводит в будке с аппаратурой, где его никто не видит. Выпускник Суриковского института Семен Ильич Гольдштейн, легко откликающийся на прозвище Сенялкаш, и вовсе вышел из клуба в синем рабочем халате, заляпанном красками, которыми он талантливо рисует теперь афиши кинофильмов.

Мы, все трое, работаем в клубе – наш директор Юрий Борисович Гершин злится, когда мы говорим «клуб» и поправляет с раздражением в голосе:

– Не клуб, а Дворец культуры трансформаторного завода.

Завод выпускает какие-то редкие трансформаторы, которые покупают даже за рубежом. Юрий Борисович, если речь заходит о продаже заводских трансформаторов, язвительно уточняет: «...в развивающихся странах, и не покупают, а в основном отдают в долг». Так или иначе, но завод числится, как принято говорить в газетных передовицах и телерепортажах, «флагманом отечественной промышленности». Поэтому работягам здесь начисляют вполне приличную зарплату, сносно обеспечивают жильем – в строгом соответствии с санитарными нормами, их детишки бегают в ведомственный детский садик, а по четвергам в заводской столовой «дают» продовольственные наборы: два кило мясных костей, гречку, пару банок каких-нибудь рыбных консервов, непременно сгущенку и в довесок что-нибудь абсолютно ненужное. При заводе есть даже небольшой стадион и Дворец культуры, где, благодаря стараниям и обширным связям общительного Юрия Борисовича, всегда крутят самые новые отечественные, а иногда даже и зарубежные фильмы. Так что на недостаток зрителей жаловаться не приходится, частенько не только вечером, но и на утренние и дневные сеансы в кинозале полно народу.

Я числюсь здесь художественным руководителем театральной студии, а также, когда надо, выступаю перед различными комиссиями в роли руководителей фотостудии, кружка художественного чтения, и даже дирижера заводского хора. В штатном расписании, понятно, значатся совсем другие фамилии, но этих людей никто и никогда не видел. Возможно, их знает Юрий Борисович, а возможно, он просто вписал в ведомость своих знакомых, а то и просто выдуманные фамилии. Не знаю, и знать не хочу, успокаивая этим незнанием свою гражданскую совесть. За мое молчаливое содействие своим махинациям директор клуба доплачивает мне раз в месяц червонец, а также расплачивается со мной моим совершенно вольным графиком посещения рабочего места. Плата, что и говорить, невысока, но дороже меня не ценят. Так что – спасибо и за это.

Наш директор словно сошел со страниц «Двенадцати стульев», где гениальные сатирики Илья Ильф и Евгений Петров изобразили «голубого воришку» Александра Яковлевича – Альхена. За глаза мы так и зовем нашего Юрия Борисовича. Крадет он из клуба все, что можно украсть. «Левые» билеты на киносеансы для Альхена – так, развлечение, просто ежедневные, живые, как он их называет, деньги на бензин и пиво.

Отец у Альхена – какойто крупный профсоюзный функционер, принципиальный коммунист. По воскресеньям, когда Альхен со своей семьей как примерный сын навещает папу, тот корит его за рюмкой хорошей водки: «Юра, не воруй. Я прошу тебя, не воруй, Юра». На что Альхен, закусывая водочку икоркой или иным деликатесом из номенклатурного распределителя, флегматично и не без юмора отвечает ставшей афоризмом фразой из фильма «Москва слезам не верит»: «Папа, не учи меня жить, лучше помоги материально».

Недавно Юрий Борисович провернул ошеломляющий гешефт. Из какихто госплановских или госснабовских фондов он получил комплект невиданной японской музыкальной аппаратуры – гитары, усилители, клавишная установка, барабаны и Бог весть что еще, от чего музыканты любого ансамбля подошли бы от счастья. Не завозя все это богатство во Дворец культуры, Альхен «толкнул» его за наличку прославленному таджикскому колхозумиллионеру, после чего немедленно купил себе новую тачку. Машины он всегда берет одной марки и одного цвета, даже госномера умудряется сохранять прежние – чтобы завистникам и любителям считать чужое добро в глаза не бросалась дорогая покупка.

Денно и ночью занятый многочисленными и хлопотными делами по улучшению собственного благосостояния, директор сквозь пальцы смотрит на наши невинные проделки. Генка давно уже научил немудреному ремеслу киномеханика шестнадцатилетнего племянника и тот рад стараться, заменяя дядю и проводя в зал без билетов своих сверстников. Сеня рисует афиши впрок и с невиданной быстротой, благо репертуарный план известен на две недели вперед, а фильмы меняются не чаще одного раза в два дня. Так что свободного времени у нас хоть отбавляй, во всяком случае – гораздо больше, чем наличных денег. Но в этот день нам выдали зарплату, к которой Юрий Борисович от щедрот своих добавил каждому из нас по заветному червонцу.

И вот мы, выйдя из магазина со столь почитаемым нами тонизирующим напитком под названием «Пшеничная», стоим у обочины и решаем, где провести культурный досуг. Сеня уныло бубнит, что мы чересчур расточительны, приобретя на закуску кроме плавленых сырков еще и банку кабачковой икры. Он полагает, что эти деньги было бы полезнее истратить на пиво, либо взять для «лакировки» бутылку плодоягодной. Мы Сеню не слушаем. Заткнув его бурчание обидной фразой «сынпьяница – такая редкость в еврейской семье», решаем проблемы куда более важные. Поскольку мы с Генкой считаем себя людьми хотя и пьющими, но не спившимися, мы полагаем, что по полкило «белой» на брата вполне достаточно.

И вот тут раздается скрип тормозов, яркокрасная машина, сверкающая лаком, передними колесами чуть не заезжает на тротуар, а за рулем сидит роскошная брюнетка. Она опускает боковое стекло и говорит, обращаясь ко мне:

- Привет, Игорек.
- Привет, – односложно отвечаю я в тон.
- Ну, как дела?
- Нормально.
- Ну, пока.
- Пока.

И машина, газанув, мчится дальше. Ребята стоят, разинув рты, замороженные увиденным. Такая женщина! Наконец Генка пришел в себя:

– Это же та самая, народная, ну как ее, а вспомнил – Ольга Смолина, из фильма «Дом с тульпанам», – произносит киномеханик чуть ли ни шепотом и с какимто даже придыханием.

Он все же не зря полжизни провел в кинобудке, насмотрелся фильмов побольше, чем любой другой среднестатистический гражданин или даже вьедливый кинокритик.

- Угу, – подтверждаю я. – Та самая.
- А откуда ты ее?.. – чуть ли не кричит Сеня.

Я делаю классическую театральную паузу, долгую и многозначительную, и только потом, внешне равнодушно, произношу:

– Это моя жена, – и, скорчив кислую мину, добавляю еле слышно, скорее для себя, чем для них, – бывшая».

*

...Нет, хорошо все же, что машина времени существует только в воображении писателей-фантастов. Увидь я в молодости эту сцену, я бы попытался свою жизнь изменить. Вряд ли из этого вышло что-то путное, а собственную никчемность лучше воспринимать философски. Так спокойнее, и подальше от лишних переживаний–разочарований – всяких там инфарктов, инсультов, а то и чего похуже. В общем, в свои студенческие годы в будущее я заглядывать не пытался, и даже не думал о нем. Я жил, и был счастлив каждым прожитым днем.

Не зря когда-то моя школьная учительница признавалась родителям, что я – ее неразгаданный педагогический ребус.

Ребусом я был и для своих педагогов в театральном училищевузе. На первом курсе все мои сотоварищи бредили шекспировскими образами, мечтая воплотить их на сцене и в кино. К четвертому курсу они мечтали о ролях современников, постановках социально значимых и общественно насыщенных, и чтоб непременно с подтекстом. Мне не хотелось ни того, ни другого. Да я и сам не знал, чего мне хотелось. Наверное, просто валяться на диване и читать книжки. Но каждое утро нужно было вставать, идти на занятия, изучать ненужные, как мне казалось, теоретические предметы. И если теорию искусств в нашем училище признавал как неизбежное зло даже такой лентяй, как я, то для чего нам, будущим актерам и режиссерам, нужна марксистско-ленинская теория, не хотел понимать никто. Я попрежнему охотно участвовал в общественной работе, с удовольствием играл в КВН, охотно организовывал студенческие капустники, где сам и блистал, а вот на неизбежных этюдах чуть ли не засыпал.

Однажды известный, маститый режиссер, выведенный из себя моим явным равнодушием, в сердцах бросил уничижающе:

– Вам, Юдин, о будущих ролях беспокоиться незачем. Вы всегда будете востребованы. В параде физкультурников за сценой! – почти выкрикнул мне педагог.

И когда на эту реплику я лишь пожимаю плечами, демонстрируя полную безучастность к его сарказму, хлопает дверью так, что штукатурка от косяка отлетает кусками. Остальные педагоги были ко мне более снисходительны и благосклонны. В конце концов не всем же играть Гамлета или принципиального заводского бригадира, смело отказывающегося от незаслуженной премии.

А вот среди своих однокашников я был даже в авторитете. Благодаря многочисленным кавээновским баталиям, у меня появилась мгновенная реакция на юмор и раскованная способность к экспромту. Так что я слыл, и не без оснований, самым остроумным парнем на курсе; научившись нескольким аккордам на гитаре, не очень противно исполнял песни известных бардов и даже собственного сочинения.

Познакомившись с ребятами одной популярной радиостанции, я стал озвучивать детские сказки – моими голосами заговорили в основном всякие злодеи, типа змей горынычей и бармалеев. Я даже сочинил несколько сказок, которые неожиданно для меня самого пользовались у деток успехом. Во всяком случае, редактор детских передач утверждала, что ее внучка в восторге от моей принцессы Изольды (этот образ я эксплуатировал нещадно). Таким образом у меня всегда водились какие-то деньги и я беспечно тратил их на студенческих пирушках и походах в пивбар «Жигули», что в любой компании, как известно, только приветствуется. Ну кто же назовет бездарным человека, угощаясь пивом за его счет?!

Одним словом, молодая моя жизнь проходила без особых потрясений. Если бы не случилась тут история с Ольгой.

*

Смолина заслуженно считалась нашей записной, так сказать, штатной красавицей. Ее красота была столь безупречной, что даже девчонки ей не завидовали. За ней ухлестывали все самые видные парни, а о ее романах уже ходили легенды. Тем более что на наших вечеринках она всегда появлялась в обществе нового кавалера. У меня с Оленькой были самые обычные отношения однокурсников – привет, привет, да и только. Если бы из класса вынесли стол, она бы это заметила наверняка скорее, чем мое отсутствие. Да и я о ней ночами не грезил.

Конечно, в силу возраста и гормонального развития у меня были какие-то отношения с девицами. Но когда, после очередной ночи, проведенной вне дома, мама говорила:

– Может быть, ты познакомишь нас со своей девушкой?

Я беспечно отвечал:

– Пока не с кем, ма.

Надо признать, что к своим краткосрочным избранницам я был чересчур взыскателен. Начитавшись с раннего возраста всяких «взрослых» романов, создал себе некий обобщенный образидеал, которому вряд ли вообще кто-то мог соответствовать. К тому же мне изрядно повредила одна юношеская история.

*

Оказавшись в шестнадцатилетнем возрасте в летнем молодежном лагере, я чем-то привлёк внимание третьекурсницы педагогического института Раи, отбывающей там студенческую практику. Раечка тихо бесилась, что наш физрук Толя, туповатый малый с фигурой культуриста, не обращает на нее никакого внимания и, видимо, решил отомстить ему, закрутив шашни с малолеткой. Както вечером, когда мы направлялись на ужин, она шепнула мне: «Раздобудь где-нибудь сигаретки и после отбоя приходи к бассейну». Не имея к своему «солидному» возрасту никакого опыта в женских интригах, я воспринял просьбу буквально. И, поскольку сам еще не курил, стрельнул у ребят несколько сигарет.

Раечка, видно, уже поджидала меня, она появилась тут же, как только я пришел к назначенному месту у бассейна. Мы устроились в густом кустарнике, и она с видимым, а может быть, наигранным наслаждением затянулась табачным дымом, томно проворковала плетейское: «Ужас как курить хотелось». Произнеся эту фразу, Раечка отшвырнула недокуренную сигарету и решительно взялась за дело. То самое дело, которое всем женщинам земли по генетическому наследству передалось от праматери Евы. На следующий день она, улучив момент, сказала мне насмешливопоощрительно: «Ну, ты зверь! – и, беззастенчиво расстегнув белую блузку, показала синяки на своей груди. – Неопытный, а ебк...й», завершила педагогпрактикантка свою тираду и вихляющей походкой навсегда удалилась из моей жизни. Продолжение «бурного романа» с малолеткой в ее планы, видимо, не входило.

Эпизод со студенткой Раей на долгие годы изрядно подпортил мое отношение к девушкам, на которых я стал смотреть с изрядной долей цинизма и пренебрежения, что они, существа интуитивночуткие, замечали мгновенно.

*

И вот случилась эта вечеринка, когда среди всеобщего шума, веселья, винножарких поцелуев сокурсников, подошла ко мне Оля.

– Пойдем на площадку, покурим, – предложила она.

– А зачем на площадку? Все здесь курят, – тут же выдвинул я защитный аргумент, не успев даже удивиться, что первая красавица сама подошла ко мне.

– Пойдем, пойдем, лентяй, – капризно надула губки Оля. – Доставь себе удовольствие поболтать с красивой девушкой наедине.

Мы вышли на лестничную площадку, закурили, и Оленька, по праву всех красивых женщин говорить и делать все, что вздумается, заявила мне без обиняков, что я ей давно уже нравлюсь. Прежде всего тем, что я, оказывается (сам удивляюсь), не такой назойливый, как все, и не лезу к ней с глупыми ухаживаниями и признаниями в вечной любви, не таскаю убогие

веники, выдавая их за цветы, и не подношу на лекциях дешевый шоколад Бабаевской фабрики. И она, Оля, очень любит мои песни и вообще считает меня «человеком незаурядным, с глубоким внутренним миром и даже талантливым», как дословно сформулировала свое признание первая красавица.

Не скажу, что я сразу растаял от этой неприкрытой и даже не очень умелой лести, настолько лобовой была ее атака. Прекрасно осознавая, что никак не могу быть героем романа Смолиной и что за всем этим кроется какойто подвох или розыгрыш, я все же покорно поплелся после вечера провожать ее домой. Почти всю дорогу Оля молчала, лишь изредка подавая ничего не значащие реплики (актриса все же, что ни говори), и я исполнял привычную мне роль массовиказатейника.

Но среди ночи раздался неожиданный телефонный звонок, и я услышал голос Ольги, совсем даже не сонный. Она уверяла, что провела в моем обществе прекрасный вечер и пригласила пойти вместе в «Ленком», куда знакомый актер дал ей две контрамарки. Продолжало твориться чтото такое, что было выше моего понимания.

*

Утром я на всякий случай еще раз тщательнейшим образом рассматривал себя в зеркало. Нет, ничего во мне не изменилось. Та же самая, весьма заурядная, физиономия, разве что нос мог бы быть поменьше (как мы в детстве дразнили носатых – эй, нос, на двоих рос, одному достался) да уши не такими локаторами. Фигура тоже самая обычная: не атлет, не хилак. Рост... Ну что ж, рост, не в баскетбол же мне играть. А так вполне средний мужской рост, особенно если перестать сутулиться, расправить молодецки плечи. Ну, или в прыжке, либо, скажем, на коньках.

Вообщето я давно уже перестал комплексовать по поводу своей внешности. Впервые, она меня вполне устраивала, ввторых, я разработал некую теорию, которую небезуспешно пропагандировал среди однокурсников. «Нас с детства убеждали, что в здоровом теле – здоровый дух, – вещал я. – На самом деле сила физическая не всегда соответствует сильному духу. Скорее наоборот. Часто сильные люди настолько много времени отдают своему физическому совершенству, что становятся в итоге абсолютно бездушны. История знает тысячи примеров, когда великаны становились предателями и трусами, а физически неразвитые люди совершали подвиги, возносящие их на вершину человеческого духа». Парни на мои сентенции обычно внимания не обращали, девицы же слушали с неизменным вниманием, находя в моих монологах даже нечто вольтерьянское. Выслушав, шли все же танцевать со стройными, мускулистыми и высокими однокурсниками, которые в нашем училище преобладали. Я же в такие моменты брал в руки гитару и, старясь придать голосу как можно больше сарказма, напевал входящего в то время в моду барда Тимура Шагова:

Ценят женщины ум и культуру,
А также песни под белый рояль.
Но фактура, важнее фактура,
Чтоб здоровый и крепкий, как сталь.
Чтоб от тела струился бы эрос,
Чтобы профиль, и чтобы анфас,
Ах, девчонки, балдею – ну просто Бандерос,
Хочу его прямо сейчас.

Через пару недель, в пятницу утром, собираясь на занятия, я небрежным тоном спросил родителей:

– Как вы посмотрите, если завтра я приглашу к нам на обед одну девушку?
Мама застыла с недомытой тарелкой в руках, а отец ни с того ни с сего брякнул:

– Надо бы шампанского купить.

– Послушайте! – взмолился я. Не надо ничего особенного, Это просто моя сокурсница, мы пообедаем, и все. И не вздумайте родню созывать и смотрины устраивать. Жениться я не собираюсь.

– Очень жаль, – пробурчал отец. – Если нам не удастся, может, хотя бы жена из тебя сделала человека, отвечающего за свои поступки.

Во время обеда Оля покорила моих предков простотой и какимто совершенно искрящимся обаянием. А когда она чуть не силой заставила маму остаться после обеда за столом: «Отдохните, Римма Юрьевна, вы и так сегодня нахлопотались, я сама посуду вымою, а к чаю я чудный тортик принесла», то они были сражены окончательно.

*

Надо сказать, что к моему выбору профессии родители отнеслись поразному. Отец, как и большинство в этой стране, хлебнул из горькой чаши репрессий полной мерой. Сын расстрелянного в тридцать седьмом «врага народа», этот восьмилетний ребенок, не закончив четвертого класса, пошел работать, кормил мать и двух только что родившихся сестреночекблизняшек. В эвакуацию они во время войны не поехали, его мать сильно болела, дороги могла не вынести. Двенадцатилетним мальчишкой, вместе с другими огольцами он по ночам тушил на крышах Москвы «зажигалки», сбрасываемые с фашистских самолетов, днем работал на заводе, где протрубил потом до самой пенсии. Всю жизнь мой папа считал, что если в доме есть лук и хлеб, то голод семье не грозит. И когда я оставлял на тарелке недоеденный кусок, морщился, как от зубной боли. А о том, чтобы выбросить зачерствевший хлеб, и речи быть не могло.

Мама закончила семилетку в Ташкенте, в эвакуации. После войны вместе со своей матерью вернулась в Москву, работала на кроватной фабрике. Познакомились мои родители, как это ни покажется странным, в районной библиотеке. Оба любили читать. Однажды, выйдя из этого «очага культуры» вместе, они уже не расставались до конца своих дней. Разлучались лишь однажды, когда отца призвали в армию.

К этому времени мне уже было три месяца и отцова отсрочка, в связи с рождением ребенка, истекла. Отец наотрез и категорически отказался от какихлибо посылок, он только требовал от мамы, чтобы она каждый месяц присылала ему фотографии сына. Так что моих младенческих снимков, впоследствии хранящихся в семейном альбоме, за три года его армейской службы накопилась целая куча. На мамины письма рядовой Юдин отвечал исправно, но очень коротко. Видимо, хранил военную тайну. В конце письма дописывал одну строчку точек и одну строчку запятых, добавляя без знаков препинания, но не без язвительности: «Ты грамотная поставь запятые и точки куда хочешь целую тебя и сына». После армии они жить с родителями в коммуналке не захотели, да и места там не было для молодой семьи с младенцем. Сняли комнату в подмосковном поселке с ласковым названием Огоньково, потом там же купили маленький домик, где батя собственными руками постоянно что-то достраивал, строгал, пилил, штукатурил. Он вообще был мастеровым, все предпочитал делать собственными руками. Однажды даже приобрел немудрящее сапожное оборудование и на всю семью пошил обувь. И очень забавно сердился, когда видел, что его кустарные сандалии мерзкопоносного цвета пылятся в углу.

Мои театральные успехи в школе мама воспринимала с гордостью, фотографию сына в роли Пушкина неизменно носила в стареньком потертom портмоне. Отец лишь однажды побывал на школьном спектакле, больше его ни разу выманить не удалось. Мама как-то мне проговорила, что, когда родитель увидел на сцене собственного сына с подкрашенными губами, он остался в зале до конца постановки лишь потому, что она крепко держала его за рукав. Объяснить возмущенному до глубины души мужу, что это театральная грим и «так надо», ей не удалось.

Когда же я поступил в театральное училище, он высказался вроде бы походя, но весьма категорично. Суть его высказывания сводилась к тому, что мужчина должен в жизни что-то делать непременно руками. И сегодня, когда мне все дороги открыты, я мог бы со своей золотой медалью поступить в любой нормальный институт, стать инженером и заниматься настоящим делом, а не корчить из себя невесту кого, да еще и с накрашенной мордой, – не удержался все же отец от укола. Своей обиды он больше никогда не высказывал и смирился с моей профессией, пожалуй, только тогда, когда увидел меня в фильме, где я, единственный раз за всю свою актерскую карьеру, исполнил одну из ведущих ролей.

*

...Появление в нашем доме Ольги родители восприняли с необыкновенным энтузиазмом. Записали ее телефон на отдельной странице в блокноте, мама стала с ней созваниваться, настойчиво приглашая в гости. Так что можно сказать без преувеличения, что нас поженили родители. Самое удивительное заключалось в том, что Ольга ничуть не возражала. Когдато мудрый царь Соломон изрек, что он, познавший в жизни многое, не понимает сути трех вещей. А не понимал Соломон природы полета орла в небе, движения змеи по гладкой скале вверх и путь от сердца мужчины к сердцу женщины. И если этого пути не понимал мудрейший из царей, то уж куда мне, со скудным умишком, было это осознать. Мне бы спросить Ольгу напрямую: «На фига тебе, красавице, на которую уже сейчас обращают внимание режиссеры и у которой отбоя нет от поклонников, все это надо? На кой я тебе сдался?» Но, видимо, интуитивно боявшийся ответа, я этот вопрос осмелился задать лишь много лет спустя. А тогда, промучившись несколько вечеров над своими сомнениями и терзаниями, я выбрал то, что в большинстве сложных жизненных ситуаций выбирал всегда – поплыл по течению, отдавшись ветру и волнам судьбы. Известное всем инертным людям «будь что будет» казалось мне спасательным кругом.

*

Свадьба была скромной. Родители жениха и невесты, хотя и сидели рядом, друг с другом почти не общались. Мои будущие тесть и теща выбора своей красавицы-дочери явно не одобряли. Однокашники, коих было на свадьбе большинство, все как один перепились, их юмор уже переходил допустимые нормы приличия. А когда общепризнанный в училище будущий гений заорал, якобы шутя: «Кто еще не пробовал невесту?», – отец самолично вывел его из зала.

Мы с Олькой вели себя паиньками. Под крики «горько» коротко целовались, исполнили обязательный танец жениха и невесты и тайком переглядывались, тревожась, что гости заметят, как невеста всем блюдам на столе предпочитает соленые огурчики и беспрестанно бежит в туалет, прикрывая рот краем свадебной фаты. Я молча любовался своей невестой – в ту пору первых недель своей беременности она была чудо как хороша – к ее яркой красоте добавилось какое-то теплое свечение, резкие движения сделались плавными, и глаз от нее отвести было невозможно.

Своего сына, по настоянию Оли, мы назвали Светославом – она с жаром уверяла меня, чтобы имя сыночка писалось не привычно «Святослав», а именно «Светослав», через «е», восславляя свет, как она вычурно говорила. Я особо не возражал, видя, как жена вся светится от счастья.

За всеми этими хлопотами мы как-то незаметно получили дипломы об окончании театрального вуза и, поскольку молодая семья была избавлена от какого-либо распределения, трудоустройством занялись самостоятельно. Родители помогали нам растить сыночка, бабушки почти подружились и забавно конфликтовали теперь только по поводу того, кто будет находиться с любимым внуком, скрупулезно подсчитывая каждый проведенный со Славиком день, дабы не нарушить календарного равновесия.

*

У Оли заладилось сразу. Она и впрямь была хорошей актрисой, да еще и обладала такой незаурядной внешностью. В театре, где она теперь служила, ее заметили, на отсутствие ролей жаловаться не приходилось. А тут еще и в кино пригласили молодую актрису Смолину – фамилию при регистрации брака она оставила свою, словно понимала, что в последующем меньше хлопот будет. О ней заговорили критики, пару раз ее пригласили на телевидение и каждому, кто хоть что-то смыслил в нашем деле, было понятно, что восходит новая звезда.

Что же касается меня, то пророчество маститого режиссера начинало сбываться. Двери московских театров были закрыты передо мной наглухо, и я уехал за пару сот километров от столицы, где в небольшой театральной труппе нашлось и для меня местечко. Иным словом, нежели прозябание, я свое тогдашнее существование и назвать не могу. И хотя мне давали какие-то роли, я понимал, что режиссер, замордованный захолустным репертуаром, делает это по необходимости. Всякий свободный день я стремился в Москву. Во мне вспыхивали отцовские чувства. Я с удовольствием катал колясочку, то и дело разглядывая румяное личико своего ангелочка и забывая о времени, а потом выслушивал сварливые замечания бабушек, типа «ребенка пора кормить, а ты шляешься невесть где».

Когда Славик подрос, я стал водить его в кукольный театр и зоопарк, часами играл с ним. Потом он пошел в школу, как-то внезапно вытянулся, мы вели с ним серьезные разговоры о спорте, о книгах, вообще обо всем, что его интересовало. В эти моменты отступали в сторону все мои жизненные невзгоды и огорчения.

В семейной жизни, как известно, мужчина либо любим, либо он – философ, то есть тот, кто умеет объяснить, что белое – это черное и наоборот. Мне досталась малопочтенная участь философа. С женой я теперь виделся редко. Она либо была занята в театре, либо и вовсе уезжала на съемки очередного фильма. Но даже когда Оля бывала дома, мы почему-то не находили общих тем для разговоров. Я все отчетливее стал понимать, что она попросту тяготится моим присутствием. А о том, чтобы вместе куданибудь пойти, и речи не могло быть.

В тот вечер, когда она постелила мне отдельно, даже я, со своими философскими взглядами, сделал совершенно очевидный практический вывод. И, понятное дело, не ошибся.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ресторане бунт. Не такой, как русский – бессмысленный и беспощадный, но все же – натуральный бунт. Утром позвонила Наталья Николаевна. Обычно сдержанная, не склонная к экзальтации, кричит в телефонную трубку:

– Срочно приезжайте, у нас повара бунтуют!!!

Приехал. Повара – все женщины – с торжественными и в то же время суровыми лицами, вышли из кухни в зал, выстроились в линейку, кажется, даже по росту. Такая организованность и сплоченность и впрямь ничего хорошего не предвещала. Вперед вышла новый шефповар – Наташа. Она у нас недавно. Пришла после того, как сбежала с работы любвеобильная Оксана.

*

Оксана увлеклась администратором Валерой. История старая, как мир. Ей сорок два, он на двадцать лет младше. Страсть, как волна, накрыла обоих. Борьба с внезапным чувством, или желанием, было неважно. Они уединились в маленькой каморке на кухне, заменившей сотрудникам ресторана раздевалку. Сначала послышались звуки поцелуев, напоминавшие лошадиное чавканье. Потом звуки приняли более эротический характер. Остальные повара, посудомойщицы и прочий кухонный люд, замерев от любопытства, слушали волнующий порноаудиоспектакль в исполнении Оксаны и Валеры. Так сказать, пьеса на двоих. В этот момент ввалился вечно поддатый разнорабочий дядя Леша. Он где-то оставил отвертку, он ее постоянно где-то забывал. Стал заглядывать во все углы, открыл дверь раздевалки, увидел... Ну, в общем, что увидел, то и увидел. Сказал задумчиво: «Ага, значит, здесь отвертки нет», и пошел прочь. Через мгновение выскочила Оксана, поправляя на ходу одежду, побежала к выходу. Больше мы ее не видели.

Валера утешился скоро, стал ухаживать за другой поварихой. В ее планы, видимо, не входило уединение с любвеобильным самцом в раздевалке, она огрела его половником по голове. Администратор лишь поморщился. Половник пострадал значительно больше – ручка погнулась. Валера подумал и сказал, что в таких условиях работать невыносимо.

Так мы лишились сразу двух сотрудников. Дали объявление в газету: ресторан такойто приглашает на работу опытного повара и администратора зала. По объявлению пришла Наташа. Долгие годы она работала в правительственном зале столичного аэропорта. Кормила Брежнева, Косыгина и вообще всех членов Политбюро. Косыгину, рассказывала, особенно нравились ее куриные котлетки, Суслов предпочитал сырники, непримиримый коммунист Пельше, честь и совесть КПСС, всегда заказывал рыбу, ну и так далее. У Наташи было условие. Она привела с собой младшую сестренку – собственную копию, только помоложе и уменьшенную. Хотела сделать из сестренки профессионального повара. Наш ресторан ее устраивал в первую очередь как тренажерный зал для неумелой сестры. Сказала, что на первых порах Олеся будет работать помощницей и приглядываться. Платить ей, как ученице, надо немного. Мы условия приняли, нам было не до капризов, да и лишние руки на нашей убогой кухне были совсем не лишними. И вот теперь Наташа, как шефповар, возглавила бунт.

*

Как уже было сказано, Наташа вышла вперед и произнесла речь. Она была абсолютно спокойна, короткие фразы произносила уверенно, но без угроз, просто ставила нас в известность:

– Игорь Аркадьевич, Наталья Николаевна. С Овиком работать невозможно. Он – мангальщик. Его дело угли разжигать, мясо жарить. Так почему вечно лезет в наши дела? Сует нос в каждую кастрюлю. Учит нас, как надо борщ варить, как салат готовить. Обзывает дурами и другими словами. Муж меня два раз бил. Но никогда не ругается матом. Мы не потерпим. Наше условие. Или уходит Овик, или уходим мы все. Работать с ним с этого момента не будем.

Они во все глаза смотрели на меня, нужно было принимать решение. Я высказался следующим образом:

– Нет, так дело не пойдет. Наташа, ты взрослый человек, опытный повар и прекрасно понимаешь, что посреди рабочей смены никто не имеет права оставлять рабочее место и делать такие заявления. Я ценю тебя как повара, выслушал твое мнение. А теперь хочу разобраться, в том числе и Овика послушать. Это будет справедливо. Сейчас вы все пойдете работать. Вечером встречаемся снова. Я объявлю свое решение. Так будет справедливо?

– Так будет справедливо, – признала Наташа и повела свою команду к кастрюлям и сковородкам.

Овик чувствовал себя в ресторане незаменимым и давал почувствовать это всем окружающим. Он попрежнему ходил в своем длиннополном светлом клетчатом пиджаке, только становясь к мангалу, снисходил до поварской куртки, да и то не всегда. Преображался, лишь когда чувствовал, что пришел «настоящий» гость. Таких людей он определял на подсознательном уровне, но никогда не ошибался. Для этих случаев у него была припасена белая куртка и высоченный поварской колпак. Приготовив шашлык, стейк или рыбу, он величавым жестом отстранял официанта, сам выходил в зал и подносил шедевр кулинарного искусства. При своем чуть ли не карликовом росте выглядел в такие минуты едва ли не величаво. За редким исключением, гости его благодарили тут же. Еще даже не распробовав блюдо, лезли в карман, извлекали купюры. Были неизменно щедры. Без тени улыбки Овик принимал деньги с достоинством, удаляясь, произносил:

– Приходите еще, для вас всегда буду готовить лично.

Во всех иных случаях мангальщик, видимо, не считал нужным стараться: то недожарит, то пересолит. На замечания отвечал небрежно и односложно: «А, пускай».

Вызвав его в директорский «кабинет» – малюсенькое помещение, где с трудом умещались стол, компьютер и телефон, мы стали выяснять причину конфликта. Овик возбудился чрезвычайно, стал размахивать руками, помогая жестикуляцией своей гневной речи. По его глубокому убеждению выходило, что на кухне у нас работают исключительно безрукие бл...ди, которые готовить не умеют вовсе. И если бы не он, Овик, то наш ресторан уже давно бы пришлось закрыть. Поэтому он делает им замечания и вообще учит, как надо готовить. Резюмируя свою гневную тираду, высказал предложение: всех поваров уволить сегодня же. На кухне останется он один, все будет готовить собственноручно, ну, может быть, приведет помощника, есть на примете «хаареший малчик». Понятное дело, что зарплату всех изгнанных поваров следовало также передать Овику. Закончил своей излюбленной фразой по поводу того, что, коли мы примем его предложение, то нас в скором будущем ожидает несметное богатство, так как толпы желающих будут осаждать «Ручеек у камина», ну и так далее.

Стоит ли говорить, что вечером мы остались без мангальщика?

*

Свято место пусто не бывает. По рекомендации знакомых, пришел Паша, молодой стройный человек с живыми и смышленными черными глазами. Одет в костюмтройку, строгий однотонный галстук повязан изящным узлом. На повара походил как балерина на сантехника. Свое имя произносил с ударением на последнем слоге, но Пашой его никто не называл, и новичок удовольствовался обращением «Пашка». На мой вопрос, умеет ли он обращаться с мангалом, мариновать мясо, готовить на углях рыбу и птицу, Паша лишь кивнул головой, давая понять, что тема исчерпана. Выбора у меня не было. На следующий день Пашка явился на работу пораньше, в неизменном костюмтройке и белой сорочке, с безукоризненно вывязанном галстуком. Позвал кого-то из официантов. Под его чутким руководством они коекак разожгли угли в мангале. Новичок рук не марал. Первые два гостя, заказавшие шашлык, ушли, не дождавшись заказа. Приготовленное новичком блюдо досталось другим, пришедшим значительно позже. Они тоже ушли, гневно заявив, что таким мясом не кормят даже собак.

Паша явился пред мои очи с повинной. Объяснил, что приехал из Ташкента и ему очень нужна работа. Дома жарил шашлык для друзей, думал, что и здесь справится. Поспешно заявил, что он много лет работал официантом, метрдотелем, даже обслуживал правительственные банкеты и зарубежные делегации. И если мы его оставим, то обязуется найти мангальщика в ближайшие деньдва. Слово он сдержал, вздохнув с облегчением, занялся привычным делом – стал официантом, потом администратором зала, лучше него гостей никто обслужить не мог. При этом работал без усталости, всегда с неизменной улыбкой. Постоянные гости требовали, чтобы их обслуживал только Паша, теперь уже незаменимый в нашем ресторане Паша.

*

Коекак разобравшись с кухней и оставив ее снова на попечение Натальи Николаевны, я увлекся обустройством залов. Их у нас было три – европейский, японский и так называемая стекляшка, недавно построенная веранда с огромными окнами. Своего домашнего гнездышка мне вить не довелось, всю нерастратченную энергию с мощью и неизбежностью лавины обрушил на собственное заведение. Надо признать, что в очереди, где раздавали художественные способности, я был последним. Еще в школьные годы скрупулезно подписывал свои рисунки: «дом», «лошадь», «машина», дабы окружающим легче было разобраться в этих невнятных каракулях. Моим главным консультантом по изменению и совершенствованию ресторанного интерьера стал друг детства Вова Зимин.

Когдато мы вместе ходили в один детский сад, потом учились в одной школе. Нас сдружила общая страсть к книгам, хотя Вова читал значительно больше. Я вообще в своей жизни не встречал человека более начитанного, чем он. Ему прочили блестящее будущее, но он слишком долго искал себя, постоянно отвлекался на всякие пустяки – обожал веселые дружеские пирушки, бильярд, карты. К тому же в молодости много времени занимали барышни. Высо-

кий, с яркой внешностью и обходительными манерами ловеласа, он пользовался у большинства представительниц прекрасного пола неизменным успехом. Был полигамен, худеньких, стройных и юных сменяли полные дамы среднего возраста. Вовина мама, Людмила Петровна, обожавшая сына до беспамятства, его увлечение, помоему, даже поощряла. Во всяком случае, именно по ее инициативе в Вовиной комнате, вызванный из ЖЭКа слесарь, установил задвижку с внутренней стороны. Строгому мужу Людмила Петровна объяснила так: чтобы мальчик во время свиданий с дамами не нервничал, что ему могут помешать. Потом родители построили Вове кооперативную квартиру. Понабивав изрядно шишек на жизненных ухабах и устав от женского внимания, Вова женился на невзрачной женщине, после чего немедленно залег на продавленном диване. Причем буквально. После долгого и тщательного обдумывания своей дальнейшей жизни заделался антикваром. Надо сказать, в этом непростом деле, требующем особой эрудиции, он преуспел.

Его почитали серьезным экспертом, ценили данные им консультации. Они хорошо оплачивались. Особенно ценились его экспертизы, понаучному – атрибуции, старинных картин и икон. Попрежнему не выпускал из рук книг, кажется, стал читать еще больше. С дивана он теперь поднимался лишь по суровой необходимости, говорил, что завидует на свете только одному живому существу – змее, так как она ходит тоже лежа.

– Не плыви по течению, не плыви против течения, плыви, куда тебе нужно, – беспрестанно повторяет Вова.

*

По совету друга детства я стал мотаться по разным вернисажам, покупать милые побрякушки, тащил в ресторан какие-то патефоны, прялки, искусственные деревья, льняные занавески. В японском зале появились деревянные аисты, бамбуковые ширмы с иероглифами. Наталья Николаевна, как директор, контролировала наши финансы, выдавала мне деньги на эти покупки крайне неохотно, ворчливо бурча, что надо бы алкоголя и бакалеи впрок закупить, праздник же скоро, да и моющие средства на исходе. Находила и прочие причины, чтобы ограничить мою безудержную расточительность.

Тогда я стал тратить собственные деньги. Питался я теперь в ресторане, на вредные привычки уходило немного, так что покупки совершал легко и бездумно.

Однажды Вова снизошел с любимого дивана и побывал в нашем заведении. Своей респектабельной внешностью произвел фурор среди официантов. Паша, склонившись в почтительном поклоне перед важным гостем, не сказал, а скорее доверительно прошептал/поведал:

– Придется немного подождать. Замаринуем для вас парное мясо и пельмешек налепим. Не думаю, что такому гостю можем подать блюда из заготовок.

Вова благосклонно кивнул. Уходя, удовлетворенный, протянул официанту чаевые. Вышколенный Паша ответил, что с друга своего шефа денег брать не имеет права и не возьмет ни за что. Все понимающий мудрый Вова засунул ему купюру в кармашек форменной жилетки и со значением пожал руку. Паша проводил его до машины.

На следующий день Вова, кряхтя и постанывая от натуги, еще раз покинул свой диван и отправился в багетную мастерскую, заявив жене, что совершает этот подвиг только ради старого друга. В багетной мастерской он заказал четыре огромных зеркала венского стекла, самолично, долго и придирчиво, выбирал для них рамы, о чем мне потом и поведал. Через неделю Вовин подарок в машине со специальными креплениями, предназначенными для перевозки зеркал, привезли в ресторан. Они очень украсили зал.

*

Апофеозом и гордостью моей дизайнерской деятельности стали манекены. В наш ресторан частенько захаживал известный всей Москве художник Борис Белов. Талантливый сценограф, он оформлял декорациями концерты всех звезд эстрады, со многими из них дружил. Бесподобно рассказывал анекдоты, слыл весельчаком и душой любой компании. Без Бори не

обходилось ни одно великосветское сборище. Откуда у меня появилась идея украсить зал манекенами, и сам точно не знаю. Но както за ужином я спросил Борю, не найдется ли на его складах реквизита парочки ненужных бэушных манекенов. Боря обещал посмотреть, через несколько дней позвонил и попросил когонибудь прислать с машиной. Привезли два новеньких, в упаковках, манекена – мужской и женский. Яркая этикетка свидетельствовала, что произведены эти прекрасные куклы не гденибудь, а в Италии. Я обомлел, позвонил Белову, робко поинтересовался, сколько я за эту красоту должен. «Говно на дружбу не меняю», – важно заявил Борис и громко расхохотался, довольный своим ответом.

Мы экспериментировали долго. Сначала обрядили манекены в расшитый сарафан и косоворотку с шароварами, у ног куклыженщины поставили прялку, манекенмужчина якобы завозил старинный патефон. Больше всех композиция нравилась мне самому. Остальные иронично хмыкали, но начальству перечить по такому несущественному поводу не смели. Установили эту живописную группу в вестибюле. Они мешали официантам, о них спотыкались гости. Потом, на лето, их одолжили в соседний ресторан узбекской кухни, где они красовались у входа в роскошных восточных нарядах. Вернувшись в дом родной, Клава и Петя (так мы их называли между собой) поменяли имидж. На Клаву надели вечернее платье, его принесла из дому Наталья Николаевна. Купили ей совершенно роскошный, платинового цвета, парик. Петю я обрядил в свой некогда парадный костюм, без толку пылившийся в шкафу, повязал ему самый лучший галстук, для пушей достоверности нацепил на нос очки в тонкой интеллигентной оправе. Притащили в зал маленький круглый столик. Поставили бутылку шампанского, вазу с искусственными фруктами. Клаву усадили в плетеное креслице. Петя почтительно стоял рядом, держа в неподвижной руке пластмассовую розу. Разместили композицию в уголке возле камина, где царил полумрак. Многие гости с ними здоровались, желали приятного аппетита. Поняв свою ошибку, смеялись и с удовольствием фотографировались рядом. Одним словом, манекены у нас прижились.

*

...Несколько лет спустя в зале проводился большой праздничный банкет. Петю с Клавой уволокли в подсобку. Нерадивый работник бросил их на пол. На следующий день после банкета случился в ресторане небольшой пожар, наделавший большой шум. В вытяжке, которую давно не чистили, скопился и вспыхнул осевший на фильтрах жир. Ктото из поваров черпнул из крана воды и пламя без труда загасил. Но дым повалил густой и черный. Жильцы соседнего дома позвонили «01». Приехала, ревя сиреной, пожарная машина. Надев противогаз, один из пожарных ринулся на разведку. В подсобке споткнулся о манекены. Выскочил, как ошпаренный, на улицу. Достал рацию и забубнил: «Первый, первый, я шестой. Как слышишь? У нас два двухсотых», – что, как известно, означает трупы. Через несколько минут возле ресторана стояли с пяток пожарных машин, почемуто не две, а три «скорых помощи». Когда ошибка обнаружилась, пожарные от досады и боязни получить нагоняй от начальства сначала гнусно матерились, а потом принялись строчить беспощадный акт, грозящий ресторану закрытием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.